

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Т. 10 • № 1 • ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ • 2012

Содержание

Постсоветское пространство: что после иллюзий? *Фёдор Лукьянов* 5

Сдвиг по фазе

Будущее истории *Фрэнсис Фукуяма* 8

Всеми миру необходима серьезная интеллектуальная дискуссия о социально-экономическом устройстве. Ведь нынешняя форма глобализованного капитализма разрушает базу среднего класса, на котором держится либеральная демократия.

Общество мирового уровня *Тимофей Бордачёв* 22

В условиях демократизации и политизации международных отношений на первое место выходит не то, хороши или плохи лидеры сами по себе. Принципиален вопрос о том, как их поведение на международной арене соотносится с социальными ожиданиями других государств.

Уравновесить Восток, обновить Запад *Збигнев Бжезинский* 35

Соединенным Штатам необходимо решить двойную задачу: сыграть роль проводника и гаранта более широкого и прочного единения Запада с включением в него России, а также выполнить функцию миротворца, сохраняющего равновесие между крупнейшими державами Востока.

Иран: петля затягивается

Время атаковать Иран *Мэтью Крениг* 44

Вашингтону следует провести хирургически точную и выверенную операцию, уничтожив иранские ядерные объекты, выдержать неизбежные ответные действия Ирана, а затем попытаться быстро снизить градус противостояния. Все остальные варианты решения иранского вопроса хуже.

Содержание

- Лабиринт, которого нет *Владимир Орлов* 54

Соскальзывание ситуации к войне или к эскалации напряженности вокруг Ирана не отвечает интересам России. Поэтому Москве важно не самоустраняться, но продолжать предотвращать силовой сценарий, насколько это в ее силах, играя ответственно и — главное — не по чужим нотам.

- ББВ *Пётр Стегний* 68

Внутренние и внешние факторы, питающие социальные протесты «арабской весны», оказываются в виртуальном пространстве спаянными в такую сложную амальгаму, что нередко трудно разобраться, где кончаются одни и начинаются другие.

Постсоветское настроение

- Вечно живой призрак *Кирилл Коктыш* 80

Распад СССР не обеспечил субъектности вновь возникших стран. Национальные элиты не сформировали основания своей долгосрочной легитимности. Осталась неразрешенной проблема вертикальной мобильности, напрямую задающая параметры социальной стабильности или, наоборот, нестабильности.

- Возвращение в место, которого нет *Мурат Лаумулин* 88

Если в 1920-е гг. молодая Советская Россия предложила народам бывшей империи великий модернизационный и интернационалистский проект, то сегодня его нет. Поколение «рожденных в СССР» всей душой за объединение, но возникает закономерный вопрос: во имя чего?

- Спираль независимости *Юрий Дракохруст* 100

Идентичность современной Белоруссии формировалась по модели гражданской нации, в чем-то похожей на модель советского народа, которая оказалась достаточно жизнеспособной в гораздо меньшей и практически моноэтничной стране.

- Между двумя совершеннолетиями *Эндрю Уилсон* 113

Об Украине всегда говорят, что она находится на распутье. Но ее партнеры требуют ответов, а количество возможностей сокращается. Украине угрожает превращение в плохо функционирующую полуавтократию и абсолютную периферию.

- Опыт лакировки истории *Томас Шерлок* 127

Используя державную риторику, российские элиты прежде всего руководствуются своекорыстным прагматизмом. Не удалось разработать последовательную великодержавную идеологию, вплетенную в драматический исторический контекст.

Эволюция Кавказа

- Поиск стабильности в карабахском конфликте *Сергей Минасян* 142

Теория сдерживания эффективно реализуется в карабахском конфликте уже в течение почти двух десятилетий. Его главной и единственной целью, с точки зрения армянских сторон, является сохранение стабильности и хрупкого мира в зоне конфликта.

- В поисках симметрии компромиссов *Гюльшен Пашаева* 155

Соглашение о промежуточном статусе для Нагорного Карабаха обеспечит легитимность этой самоуправляющейся территории и способствует созданию благоприятных условий для референдума об окончательном статусе.

- Кавказский дом по тбилисскому проекту *Ивлиан Хаиндрава* 168

По мнению ряда грузинских и российских экспертов, стабильный Северный Кавказ — чуть ли не единственный общий интерес Грузии и России, на котором можно «здесь и сейчас» строить процесс примирения. Известно, однако, что строить сложнее, чем ломать.

- Несчастливы по-своему *Николай Силаев* 180

Нынешний закрытый характер политических режимов трех закавказских стран объясняется тем, что государству в малой степени приходится обращаться к обществу за ресурсами, необходимыми для сохранения и укрепления государственности.

Регионализм на марше

- ШОС как растущий властелин «хартлэнда» *Виталий Воробьев* 196

Экспертов и наблюдателей тревожит, что за последние два-три года появились признаки затухания внутреннего динамизма ШОС, соскальзывания в инерционность, расширения дисбалансов между основными сферами сотрудничества.

- АСЕАН после холодной войны *Саймон Тэй, Аарон Чу* 204

Распад Советского Союза имел глубокие последствия для стран АСЕАН и АТР, связи с Россией в последние два десятилетия ослабли. Частично восстановив позиции на мировой арене, Москва по-прежнему проявляет небольшой интерес к Юго-Восточной Азии.

Рецензии

- Апостол реализма *Владислав Иноземцев* 212

- Незаконченная история *Сергей Караганов* 220

- Плоток оптимизма *Фёдор Лукьянов* 226

Лабиринт, которого нет

Зачем и кому нужна война с Ираном

Владимир Орлов

«Ядерное оружие — отнюдь не источник достоинства и силы. Обладание ядерным оружием отвратительно, аморально, позорно».

Так говорил... нет, не какой-нибудь европейский пацифист. Так говорил действующий иранский президент Махмуд Ахмадинежад. Причем произнес он эти слова не тихо за чаем в Тегеране, а в Нью-Йорке, с трибуны Обзорной конференции по Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), обращаясь к делегатам, представляющим более чем 180 стран — участниц Договора. Он был единственным главой государства на этой конференции, и поэтому — ирония протокола — первым получил слово.

Делегаты, впрочем, слушали его вполуха. А многие и вовсе покинули зал. Ирану верят все меньше и меньше — даже те, кто относится к нему без предубеждения. И по всему миру крепнет убеждение, что иранское руководство сделало ставку как раз на то, что оно клеймит позором с высоких трибун, — на обладание ядерным оружием, причем уже в ближайшей перспективе.

А раз так, то — Тегеран надо остановить. Любой ценой. И чем раньше, тем лучше. Потому что Иран с ядерным оружием (говорят) неприемлем с точки зрения ключевых игроков международных отношений.

СОСКАЛЬЗЫВАЯ К ВОЙНЕ

Последнее время я провел в дороге, чтобы разобраться: а что, действительно мир так напуган Ираном? Действительно верит в его чудодейственную ядерную способность? И готовится к войне?

Если не считать Кубы с Венесуэлой и примкнувшей к ним Никарагуа, явных сторонников у Тегерана негусто. В сухом остатке «блестящая иранская

В.А. Орлов — президент ПИР-Центра (Центра политических исследований России), член Международной академии по ядерной энергетике, член Общественного совета при Министерстве обороны РФ.

дипломатия» слабо сыграла в государствах Движения неприсоединения, едва-едва наскребывая считанные очки в свою пользу. А Латинская Америка все-таки далековато будет от зоны предполагаемых боевых действий.

Наиболее впечатлили меня соседи Ирана по Персидскому заливу. Там — прежде всего в Саудовской Аравии — антииранский настрой оказался даже сильнее, чем об этом можно было судить из Москвы. «Ату его!» — таков лейтмотив разговоров и с дипломатами, и с военными, и с политологами. И хотя некоторые авторитетные эксперты, в первую очередь принц Турки аль-Фейсал, утверждают, что «военные удары по Ирану будут совершенно контрпродуктивными», все же складывается впечатление, что большинство его соотечественников были бы только рады подобному развитию событий. К тому же исход войны в Ливии и происходящее в Сирии укрепляют их настрой на то, что Иран — как его ядерная инфраструктура, так и его политический режим — должен и может быть разрушен.

С другой стороны, в регионе войны с Ираном боятся. Она не выгодна Объединенным Арабским Эмиратам, которые, хотя и имеют нерешенный территориальный спор с Ираном, но выигрывают от торговли с ним, даже и в санкционные времена. Она не выгодна Оману, имеющему свой «контрольный пакет» в Ормузском проливе и проводящему самостоятельную внешнюю политику. Она страшит Бахрейн, чья правящая семья, держась на саудовских и американских штыках против воли шиитского большинства, может стать первой жертвой иранских «асимметричных действий». Она заставляет нервничать даже Катар, обычно нагло-самоуверенный, благодаря умелой конвертации сверхбогатства в политические инвестиции: не вполне комфортно будет прикрывать строительство объектов для чемпионата мира по футболу силами ПВО. Но против иранского блицкрига, да еще чужими руками, в Дохе, думаю, сегодня бы не возражали.

Если кто и посочувствует Тегерану, так это Европа. «Присоединятся ли европейские государства к войне против Ирана? — задавал вопрос на проходившей в начале февраля конференции в Брюсселе бывший генеральный директор МАГАТЭ швед Ханс Бликс. — К войне против Ирака несколько европейских правительств присоединились, чтобы ликвидировать оружие массового уничтожения, которого не было. Готовы ли европейцы сейчас присоединиться к пресечению иранских ядерно-оружейных намерений, которые, возможно, существуют, а возможно, и не существуют? Иран не осуществлял нападения против кого бы то ни было, и не похоже, что собирается на кого бы то ни было нападать, так что решения со стороны Совбеза ООН о применении силы против Ирана ожидать не следует». Европейская аудитория встречает слова Бликса аплодисментами. Но ответ на его

вопрос: с кем ты, Европа? — повисает в воздухе. Другой европейский эксперт, венгерка Эржебет Роза, иранист по образованию, представляет блестящий анализ контрпродуктивности санкций ЕС против Ирана. Тоже аплодисменты. Между тем, санкции уже одобрены Евросоюзом.

Погрязшая в экономических проблемах Европа, не признаваясь в этом, изображая деятельную суету, по сути самоустраняется от решения иранского вопроса. Кивает на «мудрых» Бразилию с Турцией. Но Бразилия с уходом президента Лулы к иранской теме интерес теряет. Турция — да, вот она играет свою игру, и играет соло.

Вашингтон. Здесь я рассчитывал как минимум узнать о совместной кропотливой работе, которую в ближайшие месяцы могут проделать Россия и США, о пунктирной линии, намеченной «планом Лаврова»... Но вместо этого пришлось выслушать, что Россия опять недостаточно сотрудничает с Соединенными Штатами по Ирану. Что она «зациклилась» на отказе от новых санкций. Что время истекает. Что в предвыборный год администрация Обамы не сможет остановить «израильских друзей»... Будто бы на дворе были девяностые, и Москву учили вытаскивать каштаны из костра для Вашингтона, под разговор о борьбе с «общей угрозой». При этом никто из моих собеседников в Вашингтоне не хотел войны... или, может быть, тайне хотел, но, работая на нынешнюю администрацию, отчетливо понимал, что позволить себе войну с Ираном Обама не может.

Но в целом — фантазмагорическое впечатление. Израилю с его десятками (если не сотнями) ядерных боеголовок, с ракетами, пересекающими Европу, — ему все позволено. Развязывать кибервойну. Угрожать ударами. Выкрадывать, убивать ученых и инженеров. Потому что он — важный и неприкосновенный фактор в год выборов. Иран — враг. А если враг не сдастся...

Наконец, иранские собеседники. Я спрашивал, зачем Иран провоцирует своих соседей и мировое сообщество. Хочет нарваться на военный конфликт? Но слышал в ответ, что Тегерану военный конфликт не выгоден, потому что он к нему не готов и чувствует себя увереннее, проецируя влияние невоенными средствами.

Я вернулся в Москву с ощущением, что мало кто в мире хочет войны против Ирана, — а если вынести за скобки Эр-Рияд, то, может быть, и никто не хочет. Даже в Израиле воинственно-голливудский Нетаньяху остается в меньшинстве. Никто не готов к войне, одни по причинам экономическим, другие — внутриполитическим, но нарастание турбулентности вокруг Ирана скоро достигнет той точки, когда мир соскользнет к войне.

В чем причина? В климате тотального недоверия. Если даже мы в России недоверчиво усмехаемся на высказывания иранского президента об

«аморальности» обладания ядерным оружием, чего же тогда ожидать от американцев, на десятилетия ошпаренных захватом заложников в их посольстве в Тегеране? Иранцы не имеют ни малейших оснований доверять саудовцам, готовым втихаря «сдать» их израильтянам. Саудовцам, в свою очередь, мерещится наступление воинственных персов-шиитов на зону их традиционного влияния. Разрушено хрупкое доверие, которое существовало между иранцами и немцами; французы пестуют иранскую оппозицию, в ответ иранцы переходят на личности, включая личность жены французского президента. Апогей взаимного недоверия — отношения между Израилем и Ираном. Тегеран ставит под сомнение право Израиля на существование, в то же время Израиль фактически развязал тайную войну против Ирана, включая кибератаки, взрывы на ракетных шахтах, убийства ученых-ядерщиков.

Климат тотального недоверия заставит инстинктивно спустить курок, когда тот, кто напротив, всего-то полез в карман... А ведь у него могло и не быть там никакого ствола.

В этой ситуации нам, в Москве, надо бы ответить на три вопроса. Первый: чего хочет Иран? Второй: есть ли решение у иранского ядерного вопроса? Третий: как вести себя России?

ЧЕГО ХОЧЕТ ИРАН

У нынешнего руководства Ирана имеется четыре круга ключевых и связанных между собой стратегических задач, которые оно последовательно решает или пытается решить.

Первый круг связан с внутривнутриполитической устойчивостью. До последнего времени Иран оставался одним из наиболее демократических государств Ближнего Востока. Парламентские и президентские выборы в сочетании со сложной многоуровневой системой принятия решений делают систему потенциально уязвимой. Иранское руководство уже прошло первый тест на уязвимость, когда малочисленная, но шумная оппозиция попыталась перехватить инициативу. Сегодня возможности оппозиции минимизированы. Но иранский режим крайне болезненно реагирует на подкармливание оппозиции извне. В этой связи у иранского руководства нет никаких причин начинать широкий диалог с Соединенными Штатами, поскольку те своей конечной целью (по крайней мере, как это видится в Тегеране) ставят демонтаж правящего режима, а раскручивание «ядерного вопроса» — это лишь метод для смены власти. Это не «паранойя мулл». У Ирана есть реальные основания для опасений. Этому их учит история: от свержения Мосаддыка до поддержки шаха. Такая ли уж разница для Ирана, кто сейчас правит в Белом доме? Как хорошо заметил (в *New York*

Times) Билл Келлер, позицию в отношении Ирана в Вашингтоне как определял, так и будет определять коллективный «Обамни» (собираемый образ Обамы и его наиболее вероятного оппонента-республиканца Митта Ромни. — Ред.). Есть нюансы, но по большому счету курс на смену режима в Тегеране остается.

Второй круг связан с технологическим прогрессом и самодостаточностью. Иран хочет играть первую скрипку в мировых делах XXI века, а для этого считает принципиально важным обладать собственными передовыми технологиями, так как только они обеспечат независимость, самодостаточность и свободу рук (еще один исторический урок, который иранцы хорошо усвоили). Иран трудно входит в мир передовых ядерных, ракетно-космических и биотехнологий. При всех консолидирующих нацию технологических прорывах «самостоятельная работа» дается Ирану куда более тяжело, чем его руководители готовы признать. Скачок в ядерной области (достигнутый отчасти благодаря плохим пакистанским технологиям) сменяется мучениями и стагнацией. Отчасти ограничителем становится «вынужденная самодостаточность» в результате санкций. Иранцам уже не хватает собственных знаний. В отличие от Кубы, которая когда-то, будучи зажата в блокаде, подняла на мировой уровень свои биотехнологии и медицину, впитывая помощь Советского Союза, пока не обогнала его, Ирану не удастся полагаться здесь ни на кого. Бушерская АЭС — одно из считанных исключений, да и ту, по правде говоря, вряд ли можно назвать вершиной инженерной мысли. Скорее уж вершиной русской инженерной смекалки, когда отечественную конструкцию пришлось скрещивать с полуразбомбленным немецким «каркасом».

Третий круг связан с обеспечением внешней безопасности и минимизацией риска вооруженных конфликтов по периметру границ и извне. Это третий исторический урок, который выучил Тегеран, испытав на своей шкуре, что значит, когда врагу-соседу (саддамовскому Ираку) помогали все, а ему, Ирану, никто. Именно тогда, в середине 1980-х гг., когда Ирак безнаказанно применял оружие массового уничтожения (химическое) против Ирана, в глубинах иранского военно-политического руководства и возникла мысль о разработке собственного ядерного оружия.

Проблему с Ираком Иран парадоксальным образом решил благодаря американцам. Теперь их отношения вполне добрососедские, и ОМУ-аргументов не требуют. Но иранская дипломатия не смогла наладить столь же добрососедские отношения со всеми странами Персидского залива (возможно, за исключением Омана и Дубая из ОАЭ). Впрочем, по мнению иранцев, их главный сосед сегодня — Соединенные Штаты, представлен-

ный Пятым флотом и военными базами, не говоря уже о войсках в Афганистане и беспилотниках в Пакистане. То есть для Тегерана решение вопросов внешней безопасности жестко завязано на отношения с Вашингтоном.

Наконец, **четвертый круг** задач связан с **экспансией влияния в регионе**, утверждением в качестве региональной сверхдержавы и магнита притяжения для всех мусульман Ближнего Востока, вне зависимости от того, сунниты они или шииты. Так как весь регион находится в брожении, рано делать заключения, проиграл ли Иран в результате так называемой арабской весны или выиграл. Пока иранский «выигрыш», о котором любят многозначительно поговорить в Тегеране, представляется эфемерным. «Каирская улица», еще недавно, при Мубараке, завистливо глядевшая в сторону Тегерана и ему внимавшая, несмотря на религиозные различия, сегодня увлечена собственным национальным строительством. Влияние Ирана на арабские государства Ближнего Востока присутствует, но оно гораздо скромнее турецкого. И проецирование будущего влияния Тегерану удастся куда хуже, чем Турции. «Выпадение» асадовской Сирии из зоны иранского влияния внешнеполитической катастрофой для Тегерана не будет, но болезненным ударом, конечно, станет. Иранское руководство предпочитает делать хорошую мину при скверной игре.

Не следует мешать Ирану решать первые три задачи. Как раз наоборот, нужно способствовать тому, чтобы он спокойно их решил. Это стабилизирует обстановку в регионе, сделает ее более предсказуемой. Что касается четвертой задачи, то иранские региональные амбиции должны быть вписаны в реальный (а не сочиненный Тегераном) ближневосточный контекст, и поощрять их не следует, так как это приведет к еще большему раскачиванию региональной лодки.

РЕШЕНИЕ ИРАНСКОГО ЯДЕРНОГО ВОПРОСА

Подозреваю, что многие читатели споткнулись, когда я только что говорил об иранской стратегической задаче по развитию технологического прогресса и самодостаточности. «А как же ядерное оружие? Ведь даже МАГАТЭ намекает, что Иран втайне работает над ним».

Попытаемся посмотреть на ситуацию, чтобы «суп — отдельно, а мухи — отдельно».

На сегодняшний день у Ирана **отсутствует** не только ядерное оружие (это знают все), но и политическое решение о его создании (такой гипотезы придерживается большинство международных экспертов, занимающихся ядерным нераспространением; хотя это и не аксиома). Иран **не** занимается тайно разработкой ядерного оружия (таково мое мнение, но с ним многие

эксперты, особенно израильские и американские, будут спорить). Сегодня для обеспечения своих стратегических задач иранскому руководству ядерное оружие **не** нужно. Потому что среди этих задач нет задачи нападения на США, на Израиль и, главное, нет задачи самоубийства режима.

Действительно, на протяжении более двух десятилетий Иран рассматривал различные научно-прикладные аспекты, связанные с ядерным оружием (хотя началось все еще раньше, при шахе и под присмотром американцев). Не могу исключить, что лет 25 тому назад иранское руководство рассматривало вопрос о целесообразности тайного создания собственного ядерного арсенала. Возможно, определенные круги автономно возвращались к этому проекту и позже. При этом аргументы, предположу, могли быть различны и могли меняться в зависимости от региональной динамики. Например, соперничество с Саддамом Хусейном, который имел химическое и биологическое оружие и работал над ядерным оружием. А потом, когда Саддам пал: «Чем мы, персы, хуже Пакистана?». А в какой-то момент: «Ну неужели же мы, персы, глупее северных корейцев?».

Как бы то ни было, дело далеко не продвинулось.

Действительно, за Ираном тянутся «хвосты» лукавства, а то и прямой лжи во взаимоотношениях с МАГАТЭ. Сколько бы ни ворчал Тегеран на МАГАТЭ, на гендиректора Юкия Аmano (даже если на то есть веские причины), он должен продолжить сотрудничество с агентством, чтобы все сомнения прояснить, а где-то и честно покаяться в прошлых прегрешениях (как бы это ни ущемляло гипертрофированное у иранцев чувство собственного достоинства).

Но, с другой стороны, — кто без греха? Подобное «лукавство» в разные годы было замечено и за некоторыми другими членами международного сообщества — например, за Южной Кореей. Но Сеул грамотно отчитался о «работе над ошибками», и теперь этот случай помнят разве что узкие специалисты. Бразилия упорно отказывается ввести у себя Дополнительный протокол к соглашению о гарантиях с МАГАТЭ, что по меньшей мере странно; но в регионе царит совершенно иной климат, и недоверия в отношении намерений Бразилии (справедливо) не возникает.

Итак, **первым шагом** к решению иранского ядерного вопроса должно быть широкое, без пререканий **сотрудничество Ирана с МАГАТЭ**. Иран время от времени делает полушаги (в августе прошлого года, в январе нынешнего). Это шаги в правильном направлении, но их недостаточно для того, чтобы все мировое сообщество, включая Россию, смогло убедиться, что все иранские прегрешения остались в прошлом. Иран должен ратифицировать Дополнительный протокол, а до этого добровольно пойти на исполнение

его положений, как если бы он был ратифицирован. Частично и выборочно иранцы, кстати, так и действуют, теперь надо уйти от выборочности.

Иранские коллеги и публично, и особенно в частных разговорах сетуют на то, что МАГАТЭ «раздевает» их перед американской и британской разведкой и что в конечном итоге все данные сливаются Израилю. Это Тегеран унижает. Но, помимо эмоционального негатива, речь ведь идет еще и о том, что в условиях, когда Израиль прямо заявляет о вероятности ударов по иранским ядерным объектам, иранцам просто опасно вот так «раздеваться».

Многие упрекают Иран в том, что он сначала строит ядерные объекты, а лишь потом сообщает о них в МАГАТЭ. Но, мне кажется, можно понять, почему Иран так делает.

Можно ли выйти из этого противоречия? Да. И Россия может сыграть здесь ведущую роль. Ниже я вернусь к этому.

Вторым шагом должно стать **снятие требований к Ирану отказаться от обогащения урана**. Это нереалистично, да и не нужно. Если Тегеран не нарушает своих обязательств по ДНЯО (а в этом остаются сомнения, как минимум в «исторической» части), то не следует добиваться от него того, что не является и не будет в обозримой перспективе международной нормой. Экономически Иран может действовать не вполне разумно, но политически его стремление к самодостаточности не уважить нельзя. На это мне указывают многие коллеги из развивающихся государств, прежде всего из Египта. Самоограничения в части отказа от уранового обогащения были бы, с моей точки зрения, правильным и важным шагом, но они могут быть только добровольными.

Третьим шагом должна стать **резолюция Совета Безопасности ООН о недопустимости применения силы или угрозы применения силы** (включая и кибератаки) против любых атомных объектов Ближнего Востока, находящихся под гарантиями МАГАТЭ либо продемонстрированных инспекторам МАГАТЭ по их запросу, как построенных, так и находящихся в процессе строительства, а также против персонала этих объектов. Эта резолюция должна быть принята до начала работы международной Конференции по вопросам зоны, свободной от ОМУ (ЗСОМУ) на Ближнем Востоке, которая запланирована на конец текущего года в Хельсинки. Иначе участие Ирана в этой важной конференции окажется под вопросом: в самом деле, нормальна ли ситуация, когда твоя ядерная промышленность, твои ученые находятся под постоянным прицелом и угрозой атаки, а тебя как ни в чем не бывало приглашают за стол переговоров?

Четвертым шагом должно быть **добровольное решение Ирана о временном замораживании уровня обогащения урана**, а также замораживании на нынеш-

нем уровне количества центрифуг, отказ от введения в каскады новых центрифуг, создания новых каскадов, запуска вращающихся (но пока без газа) центрифуг. О важности подобного шага говорил, в частности, заместитель министра иностранных дел России Сергей Рябков, когда встречался с членами Международного клуба «Триалог» под эгидой ПИР-Центра. Такой шаг станет мерой укрепления доверия, но не юридически обязывающей нормой.

Пятым шагом должно быть решение Совета Безопасности ООН о временном приостановлении действия санкций в отношении Ирана, при условии удовлетворительного сотрудничества между Ираном и МАГАТЭ (такой подход предлагают сейчас некоторые европейские эксперты); а при закрытии вопросов «иранского файла» МАГАТЭ — и полная отмена санкций.

Шестым шагом должно быть формирование климата доверия в регионе в вопросах ядерной безопасности. Коллеги из Кувейта, других государств Персидского залива высказывали мне опасения по поводу надежности и безопасности Бушерской АЭС, построенной при участии России. Они предлагают провести стресс-тесты станции с участием наблюдателей из заинтересованных сопредельных государств. Ирану и России следует ответить на такие запросы позитивно и доброжелательно.

Наконец, седьмым шагом должно стать начало регионального ближневосточного диалога по всему комплексу ядерных вопросов: от формирования зоны, свободной от ядерного и других видов ОМУ на Ближнем Востоке (с участием всех арабских государств, Ирана и Израиля) до формирования «ближневосточного МАГАТЭ» по примеру Евратома. «Увертюрой» этого процесса имеет шанс стать конференция по ЗСОМУ в Хельсинки — конечно, если ее рассматривать не как единоразовое собрание, но как начало долгого процесса восстановления доверия, открытости и диалога.

Не надо мешать Ирану развивать ядерную энергетику. Тегеран все равно замкнет ядерный топливный цикл (ЯТЦ), даже после израильских бомбардировок и парочки уничтоженных ядерных объектов. Только после бомбардировок он наверняка проведет корректировку своей стратегической калькуляции. Как точно заметил уже цитировавшийся мной Билл Келлер, отвечая на статью Мэтью Крэнига в *Foreign Affairs*, «бомбить Иран — это лучший способ обеспечить именно то, что мы пытаемся предотвратить».

Надо учесть и попытаться научиться уважать стратегические задачи Ирана: три из четырех не создают проблем ни для региона, ни для международного сообщества в целом.

Если стратегические задачи Ирана хотя бы отчасти будут учтены и уважены, у Тегерана не будет мотивации переключать свой ЯТЦ на военные рельсы. А жить с иранским ЯТЦ всем его соседям — включая и Рос-

сию — нужно будет просто привыкнуть; ведь живем же мы по соседству с японским ЯТЦ, при этом некоторые — даже не имея мирного договора. И ведь если и боимся, так новой Фукусимы, а не ядерных бомб.

КАК ВЕСТИ СЕБЯ РОССИИ

Начну с «наивного» вопроса: а чем для России плох Иран с ядерным оружием? На этот вопрос важно ответить сразу, чтобы мои последующие выводы и идеи были понятны.

С одной стороны, может показаться, что Иран, создай он ядерное оружие, интересам России действительно не угрожает. Да, иранские ракеты не долетят до Парижа, зато долетят до Сочи. Но не на Сочи же они будут нацелены. Далее, на Ближнем Востоке установится система регионального сдерживания по линии Израиль—Иран. Сдерживание работало в самые худшие дни холодной войны в отношениях между СССР и США; работает между Индией и Пакистаном; будет работать и на Ближнем Востоке, может быть, даже облегчит путь Израилю и Ирану к взаимным договоренностям по контролю над вооружениями (что сегодня немыслимо). Наконец, последние пять лет Россия живет бок о бок с ядерной КНДР — сначала было как-то некомфортно (особенно Приморью, где пришлось вспомнить про учения гражданской обороны), но теперь уже привычно. А ведь уровень ответственности Тегерана будет, безусловно, выше, чем северокорейского режима, и никаким другим игрокам (в отличие от безответственного, нестабильного Пакистана) Иран свои ядерные знания и технологии продавать не будет.

Так-то оно так. Но я придерживаюсь иного взгляда. Появление у Ирана ядерного оружия взорвет ДНЯО, который, по моему глубокому убеждению, продолжает оставаться краеугольным камнем международной безопасности. Благодаря ДНЯО Москва имеет исключительное положение в качестве члена «ядерной пятерки».

Я не разделяю мнения тех экспертов, которые предвидят, будто в случае появления в Иране ядерного оружия его вскоре создадут Саудовская Аравия или Турция. Проблема будет хуже: сам ДНЯО обесценится и перестанет существовать. И дело не в том, что за Ираном непременно последует Саудовская Аравия, но в том, что в ядерных вопросах по всему миру воцарится хаос. А вот это — против жизненных интересов России.

России трудно с Ираном. Ни российские политики, ни крупный российский бизнес не стремятся плотно работать с Ираном: разговоры о «близких отношениях» двух стран — во многом миф. При выборе системы координат «свой»—«чужой» и российский дипломат, и российский бизнесмен интуитивно присвоят Ирану код «чужой». В лучшем случае: «не-свой».

Иран не раз обманывал Россию, умалчивая о своих ядерных объектах и исследованиях двойного характера: так можно лукавить с врагом или конкурентом, но не с тем, кого ты называешь партнером и другом. Иранцы презрительно скривились, когда Россия пригласила их сотрудничать по обогащению урана в международном центре в Ангарске. Иранцы сначала согласились, а потом отказались от предложения по топливу для Тегеранского исследовательского реактора, изначально выработанного при активном вовлечении России.

Россия не раз подводила Иран: затягивала строительство Бушерской АЭС, не продала современные противоракетные системы. Не встретила Тегеран с расprostертыми объятиями, когда он запросился в ШОС. Да что уж там: Россия голосовала за все четыре санкционные резолюции Совета Безопасности ООН по Ирану.

России далеко не всегда понятно, как и кем принимаются решения в Тегеране (даже после многочисленных стараний разобраться). Ирану мерещится, что Москва «сливает» часть полученной от него конфиденциальной информации в Вашингтон и Тель-Авив.

В последнее время Москва и Тегеран неоднократно обменивались колкостями. Но это не помешало России сохранить хладнокровие, выступить с «планом Лаврова» по Ирану, основанном на «поэтапности и взаимности». Наверное, иранцам было трудно в полной мере оценить усилия России, так как вскоре — в ноябре прошлого года — последовал доклад МАГАТЭ, принятие которого, как рассчитывали в Тегеране, Москва просто обязана была заблокировать.

Трудно. Но России все же следует, наступив на горло предубеждениям, посмотреть на сегодняшний Иран как на своего серьезного и долгосрочного партнера в регионе — не на декларативном уровне, а на уровне действий. Такие попытки периодически происходят, но то и дело прерываются из-за, по-моему, ложной боязни обидеть американцев. По-моему, Россия уже и так максимально плотно и конструктивно сотрудничает с Соединенными Штатами по Ирану и его ядерной программе. Сворачивать это сотрудничество не надо; наоборот, пришла пора усилить его созданием двусторонней рабочей группы «креативщиков» с обеих сторон по поиску сценариев выхода из лабиринта (или того, что выглядит как лабиринт).

Но когда разговор от важного обсуждения ядерных объектов типа Фордо как-то сам собой сбивается на требования отхлестать Иран за «поддержку терроризма», а затем и вовсе скатывается к пожеланиям видеть в Тегеране «другой режим», — думаю, в таких обсуждениях Москве с Вашингтоном не по пути.

Когда западные партнеры России по переговорному процессу с Ираном (пока еще не публично) радуются гибели иранских ученых-ядерщиков, с гордостью говорят о качестве (мы доподлинно не знаем, кем осуществленных) кибератак против иранских ядерных объектов, и тогда России с ними, думаю, не по пути.

Когда, с одной стороны, приглашают Иран к диалогу «без предварительных условий», а другой, советуют Москве подумать насчет новой резолюции Совета Безопасности, где фигурировали бы меры против Ирана по Главе 7 Устава ООН, — думаю, тут России следует и вовсе решительно отойти в сторону. В условиях нагнетания турбулентности, имеющего целью психологическое давление на Тегеран, России стоило бы подумать не только о том, что все возможные санкции по пресечению доступа Тегерана к ядерным и ракетным технологиям уже приняты и действуют, но и о том, на пользу ли все эти санкции в нынешних конкретных условиях. Ни США, ни Евросоюз не вняли настоятельным пожеланиям России не вводить санкции вне Совета Безопасности ООН. Их право. Право России — пересмотреть свой подход к ныне действующим санкциям Совета Безопасности ООН, и если окажется, что часть из них исчерпала себя, действовать в Совете Безопасности ООН соответственно.

К слову, в свое время в Нью-Йорке санкции прописывались таким образом, что не затрагивали права России на поставки Ирану оборонительных комплексов, в частности, С-300 или С-400. Президент Медведев своим указом решил, что Россия должна воздержаться от таких поставок, что и было сделано. В условиях, когда Ирану прямо угрожают ракетными ударами, не пришло ли время такие поставки осуществить, да и вообще помочь Тегерану укрепить обороноспособность (при условии, что эти поставки не будут передаваться третьей стороне)?

В свое время Россия уклонилась от заявки Ирана на вступление в ШОС; причем было принято решение, не позволяющее принимать в эту организацию государства, находящиеся под санкциями Совета Безопасности ООН. Эту временную норму можно было бы пересмотреть. У России, как и у других действующих членов ШОС, есть много общих тем с Ираном: это и энергетическая безопасность, и борьба с наркотрафиком, и стабилизация ситуации в Афганистане после ухода оттуда НАТО. Конечно, прежде чем инициировать этот процесс, России следовало бы понять настроение Ирана по ряду нерешенных двусторонних экономических вопросов, в частности, по Каспию.

Наконец, российским экспертам, как неправительственным, так и правительственным, стоило бы собраться вместе, чтобы — пока нефор-

мально — обсудить вопрос, а не устарел ли механизм «шестерки», в рамках которого сейчас в основном обсуждается иранская ядерная программа, да и другие вопросы по Ирану. Ведь даже от американских партнеров часто приходится слышать: «Давайте решать этот вопрос (по Ирану) без участия европейцев, от них проку мало, и они ни на что не влияют». Так что с американцами Россия могла бы продолжать обмены по двусторонней линии, как это сейчас успешно и делается.

Многосторонний подход к решению иранского ядерного вопроса важен. Сейчас он более важен, чем когда-либо. Просто в мире есть ведь и другие силы, у которых много конструктивных идей и которые могут быть лучше услышаны в Тегеране.

К примеру, в переговорах с Ираном вместо «шестерки» можно было бы использовать уже имеющийся формат БРИКС. Здесь, помимо России, присутствуют представленный, как и она, в «шестерке» Китай, ранее участвовавшая в диалоге с Ираном Бразилия (если Дилма Русеф не окончательно утратила интерес к этой теме), и поддерживающая плотный диалог с Ираном Южная Африка. Индия в последнее время является оппонентом Ирана, но в этом качестве она и может быть полезна — особенно учитывая ее близкие связи с США в сочетании с традиционно взвешенной линией в международных делах.

Москве следует плотнее, чем сейчас, вести двусторонний диалог с Пекином по иранской проблематике. При этом надо помнить прописную истину, что у КНР — собственные интересы, которые могут и не совпадать с российскими. Так, Пекин успешно диверсифицирует источники импорта углеводородов, и его энергетические потребности в Иране скоро могут быть замещены поставками из Саудовской Аравии. Для КНР главное направление на ближайшее десятилетие — никакой не Ближний Восток, а продвижение в Южно-Китайское море и в Юго-Восточную Азию, а может, и на Тайвань. Тут везде мешают США — при нынешней администрации больше, чем когда-либо. Что делать? Затянуть Соединенные Штаты в длительную сухопутную военную операцию, из которой выбраться сложнее, чем из Ирака или Афганистана. Так что поддержка Китаем Ирана, столь очевидная сегодня, не является константой. С другой стороны, диалог России и КНР по Ирану, не исключено, помог бы скорректировать такую точку зрения в Пекине или как минимум удостовериться в том, что она не является доминирующей, как не являются доминирующими в Москве взгляды тех, для кого «война в Иране» — приятный синоним роста цен на нефть.

Не исключаю, что более продуктивной, чем БРИКС, могла бы стать группа по диалогу с Ираном, которую создали бы Россия и Турция. В нее

могли бы войти те же Бразилия, Южная Африка, а также такие авторитетные (в мире и в Иране) игроки в вопросах ядерного нераспространения, как Казахстан, Индонезия, а также (но здесь большой знак вопроса) Египет.

Конечно, надо быть реалистами и отдавать себе отчет в том, что такая группа не принесет Ирану «на блюдечке» главное, что нужно сейчас Тегерану: гарантии безопасности со стороны Вашингтона (включая отказ от применения силы и вмешательства во внутренние дела). Однако при активном участии России она могла бы предоставить как минимум эффективное обеспечение первого, самого срочного шага по решению иранского ядерного вопроса. А именно — прозрачности ядерной программы, уверенности, что в сегодняшнем виде она не направлена на оружейные цели, и при этом уважительного отношения к той информации, которая будет получена от Ирана в рамках такого «прозрачного» подхода. Каждая из названных стран имеет авторитетных технических экспертов, которые могли бы получить беспрецедентный доступ к объектам ядерной инфраструктуры Ирана — даже тем, прежде всего строящимся, которые Иран никому показывать не обязан. Ни в коей мере не замена МАГАТЭ, но подспорье для МАГАТЭ на тот переходный период, пока доверие полностью не восстановлено, — так я вижу работу группы экспертов.

Недавно за ужином в Эр-Рияде иранская оппозиционерка, проживающая в Лос-Анджелесе, бросила мне; «России должно быть стыдно, что она поддерживает прогнивший режим в моей стране». Сидевшие рядом саудовцы и кувейтяне оживленно закивали. Я не выдержал: «России не должно быть стыдно. Хотя бы потому, что она столько сделала и делает, чтобы бомбы не падали на головы ваших соотечественников».

Цинично говоря, Россию могла бы устраивать нынешняя ситуация вокруг Ирана — «ни мира, ни войны». Но это только если знать, что у всех игроков стальные нервы, и никто не сорвется. Сегодня есть противоположное ощущение. Один удар по Араку или применение новых типов глубоко проникающего высокоточного оружия в районе Кума — и следующим шагом Иран... нет, не обязательно бьет по Тель-Авиву или высаживается на Бахрейне. И даже не перекрывает Ормузский пролив. Он выходит из ДНЯО. Из договора, который его не защитил. Ответственность за этот сценарий будет лежать и на России, одном из трех депозитариев — хранителей ДНЯО.

Соскальзывание ситуации к войне ли, к эскалации напряженности вокруг Ирана не отвечает интересам России. Поэтому России важно не самоустраняться, но продолжать предотвращать силовой сценарий, насколько это в ее силах, играя ответственно и — главное — не по чужим нотам.